

*Протоиерей Владимир Федоров,
протоиерей Дмитрий Сизоненко**

ИСТОРИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСКАЖЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭКУМЕНИЗМЕ В РОССИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена анализу комплекса проблем, связанных с неадекватным пониманием природы межхристианского сотрудничества в современной России с учетом особенностей конфессионального, политического и лингвистического контекста. В статье отмечается влияние контактов с представителями Русской православной церкви за границей на формирование антиэкуменических умонастроений, анализируются попытки представить экуменизм как форму религиозного синкретизма и модернизма в богословии. Отмечается вклад православной экклезиологии и миссиологии в экуменическое движение.

Ключевые слова: экуменизм, экуменическое движение, антиэкуменизм, экклезиология, миссиология, Всемирный совет церквей.

Archpriest Vladimir Fedorov, Archpriest Dimitry Sizonenko
THE HISTORICAL AND THEOLOGICAL REASONS FOR THE FORMATION
OF THE DISTORTED IMAGES OF ECUMENISM IN THE RUSSIAN CONTEXT

The article is dedicated to the analysis of the difficulties in developing a proper understanding of the nature of inter-Christian cooperation in contemporary Russia, taking into consideration the specific features of its confessional, political and linguistic context. The article specifies the impact made by the contacts with the representatives of the Russian Orthodox Church Outside Russia on the formation of anti-ecumenical ethos, and analyses the attempts to present ecumenism as a form of religious syncretism and theological modernism.

* Протоиерей Владимир Филиппович Федоров, кандидат философских наук, кандидат богословия, доцент кафедры церковно-практических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии; vffedorov@gmail.com

Протоиерей Сизоненко Дмитрий Викторович, аспирант, Русская христианская гуманитарная академия; 7134867@mail.ru

The contribution of the Orthodox ecclesiology and missiology to the ecumenical movement is highlighted.

Keywords: ecumenism, ecumenical movement, anti-ecumenism, ecclesiology, missiology, World Council of Churches.

Новый всплеск антиэкуменических настроений в среде православных верующих, вызванный, в частности, встречей Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Папой Римским Франциском в Гаване (12 февраля 2016 года), заставляет вновь задуматься о причинах возникновения искаженных представлений о межхристианском сотрудничестве и экуменизме. В данной статье мы ограничимся рассмотрением лишь некоторых элементов конфессиональной, политической и лингвистической культуры современной России. Сказанное о российском православии в той или иной степени относится и к другим Поместным Церквам, при этом отметим ряд специфических факторов, характеризующих положение Церкви в СССР и посткоммунистической России.

Подробный анализ причин искаженных представлений дает Том Странски в статье «Критика экуменического движения и Всемирный совет церквей» [6], он выделяет четыре вектора критики экуменического движения: богословский, экклезиологический, политический и институциональный. При этом он отмечает: «Многие критические замечания основаны на преднамеренных или непреднамеренных карикатурах и суждениях, далеких от реальности» [6, с. 278]. Подобные искаженные представления по-прежнему господствуют в сознании христиан, не только в России, но и по всему миру.

Первый генеральный секретарь Всемирного совета церквей (ВСЦ) Виллем Адольф Виссерт Хуфт (1900–1985) еще семьдесят лет назад написал обзорный очерк о значении слова «экуменический»:

Хотя в значении единства и всемирной миссии Церкви Иисуса Христа оно теперь получило широкое употребление и широкое толкование, чаще всего этому слову приписывается иное значение. Тем не менее, новое употребление, как кажется, прочно утвердилось и имеет перспективу сохраниться в этом значении, по крайней мере, в десяти европейских языках и в церковной латыни [8, с. 739].

Виссерт Хуфт выделяет семь основных значений этого термина. С того времени слово «экуменический» приобрело еще широкий круг новых значений. Не только в массовом сознании, но и в экспертном сообществе оно все чаще стало употребляться применительно к сфере межрелигиозного диалога. В частности, вопросы религиозных взаимоотношений Римско-Католической Церкви с иудаизмом находится в компетенции Папского Совета по содействию христианскому единству.

Важно отметить, что неверное понимание слова «экуменизм» отчасти объясняется общераспространенным скепсисом в отношении абстрактных понятий, образованных посредством добавления суффикса «-изм-». Первоначальное значение греческого термина, обозначающего соборный или вселенский характер Церкви, для массового сознания остается нераспознанным, тогда как «-изм-» вызывает в уме ассоциации с «коммунизмом», «коллективизмом» и подобными словами, которые не вызывают симпатий. Наконец, в созна-

нии людей, не имеющих хотя бы минимального богословского образования и не владеющих церковной терминологией, «экуменизм» нередко ассоциируется с каким-то неблагонадежным учением, искусственно привнесенным с Запада. Многие знакомы с этим словом лишь в контексте лозунга «Экуменизм — ересь ересей XX века», ставшего уже информационным мемом.

Однако, если мы понимаем экуменизм как движение верующих людей, направленное на поиск изначального единства христиан и стремление к сотрудничеству в миссионерском служении, следует признать, что такое понимание единства глубоко укоренено в святоотеческом богословии и не дает никаких оснований квалифицировать его как «ересь». Есть существенное различие между хорошим экуменизмом и плохим экуменизмом. Вот что пишет об этом выдающийся православный богослов прошлого века протопресвитер Александр Шмеман (1921–1983):

Есть плохой и есть хороший экуменизм, допустимый и недопустимый; и пока православные могут бороться за «хороший» против «плохого», пока голос их слышен, пока согласие их между собой не нарушено — вопрос о полезности и оправданности православного участия в экуменическом движении, как и вопрос о лучшей подготовленности, согласованности и так далее, — можно считать открытым, но никак не поводом для обвинений, клеветы и поспешных огульных осуждений [16, с. 546].

Не случайно в «Словаре экуменического движения» [1] нет отдельной статьи об экуменизме как таковом. Зато есть ряд статей, в которых прилагательное «экуменический» употребляется в сочетании с различными понятиями, относящимися к межхристианским отношениям и сотрудничеству (например, об экуменических ассоциациях, конференциях, советах, десятилетиях, справочниках, образовании, молитве). Тем не менее, термин «экуменизм», хотя и является производным, нередко употребляется в богословской литературе и в официальных документах Церкви. Декрет II Ватиканского собора «Unitatis Redintegratio» был назван «декретом об экуменизме» [9]. Позднее Папский совет по содействию христианскому единству выпустил справочное пособие «Правило по применению принципов и норм экуменизма» [15].

Различные определения «экуменизма» даются в популярных и специальных энциклопедических изданиях. Так, в Британской энциклопедии мы находим такое определение этому понятию: «Экуменизм — движение или стремление к всемирному христианскому единству или сотрудничеству. Этот термин, появившийся недавно, подчеркивает то, что считается вселенскостью христианских церквей» [3]. К сожалению, недостаток объективной информации об экуменизме и содержании экуменического сотрудничества приводит к неверному пониманию термина и решительному неприятию самого явления.

В статье Виссерта Хуфта о значении прилагательного «экуменический», как и в Британской энциклопедии, подчеркивается миссионерский аспект. На наш взгляд, чрезвычайно важно иметь в виду изначальную связь «экуменического» и миссионерского аспекта самой природы Церкви, в которой стремление к сотрудничеству и единству занимает свое законное место. Вот почему в 1910 году участники Всемирной миссионерской конференции в Эдинбурге (Шотландия)

избрали термин «экуменический» для обозначения приверженности единству в контексте всемирной миссии Церкви.

Также следует учитывать тот факт, что концепция экуменизма представляет собой не столько стратегию, заранее продуманный план или политику, сколько поиск и стремление к всемирному христианскому единству, которое подразумевает открытость к общению и сотрудничеству с христианами других церквей. Итак, экуменизм всегда понимался в контексте миссионерского характера церкви, которой поручена проповедь Евангелия по всей обитаемой ойкумене, всему миру.

В постсоветской России отсутствие религиозного образования и семидесятилетнее господство атеистической идеологии привели к господству религиозного невежества. Однако в стенах трех высших учебных заведений Церкви, которые продолжали существовать несмотря на гонения, тема экуменизма возникла с новой силой, когда Русская Православная Церковь (РПЦ) присоединилась к Конференции Европейских Церквей (КЕЦ) в 1959 году и вступила во Всемирный совет церквей (ВСЦ) в 1961 году. Совещание глав и представителей автокефальных Православных церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, которое состоялось в 1948 году в Москве, довольно прохладно откликнулось на приглашение принять участие в работе Первой Ассамблеи ВСЦ: «Сообщить «Всемирному Совету Церквей», в ответ на полученное всеми нами приглашение к участию в Амстердамской Ассамблее в качестве членов ее, что все Православные поместные Церкви, участники настоящего Совещания, принуждены отказаться от участия в экуменическом движении, в современном его плане» [10]. Резолюцию по вопросу «Экуменическое движение и Православная Церковь» подписали главы Русской, Грузинской, Сербской, Румынской, Болгарской церквей, а также представители Антиохийской, Александрийской, Польской, Албанской, Чехословацкой церквей, к принятому решению присоединилась и Армянская церковь.

В 1961 году отношение иерархов, профессоров богословия, студентов Духовных академий к экуменизму вновь изменилось. Ни у кого не вызывало нареканий слово «экуменический», поскольку оно служило обозначением контактов с остальным христианским миром. По-прежнему можно было сомневаться в необходимости и значении внешних связей с международными христианскими организациями, но термин «экуменический» как таковой больше не вызывал отрицательной реакции. Суровой критике подверглось сам факт участия РПЦ в Генеральной ассамблеи в Нью-Дели — как выражение раболепия перед Коммунистической партией. Как ни странно, в 1948 году, в начале холодной войны, позиция РПЦ едва ли была обусловлена влиянием коммунистической идеологии. Однако в атмосфере напряженности начала 1960-х годов, в самом деле, советские идеологи хотели бы преподнести Западу образ СССР как социалистического государства с человеческим лицом, в котором власти уважают свободу вероисповедания. В действительности, это были годы беспощадной идеологической борьбы с религией, надругательства над верующими, массового закрытия храмов и монастырей. В этом контексте экуменические контакты представляли РПЦ уникальную возможность заручиться поддержкой международного сообщества, влиятельных религиозных

лидеров и политических деятелей. До сих пор многие критики игнорируют тот факт, что экуменическое сотрудничество в 60–80-е годы прошлого века было необходимо для обеспечения богослужебной, духовной, богословской и образовательной деятельности Церкви. Оно было частью стратегии противостояния Московского Патриархата атеистическому режиму. Не в меньшей степени сегодня, когда христианству приходится противостоять не только атеизму, но и вызовам глобальной секуляризации, экуменическая стратегия не утратила своей актуальности.

В России тенденция квалифицировать «экуменизм» как ересь сформировалась в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Это было обусловлено активными контактами россиян с представителями Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), которые придерживались антиэкуменической идеологии греческих старостильников. Важную роль в этом сыграл доклад архиепископа Виталия (Устинова) архиерейскому собору РПЦЗ 1967 года, позднее доработанный с учетом итогов Генеральной ассамблеи ВСЦ 1968 года.

Экуменизм — это ересь ересей, поскольку до сего времени всякая отдельная ересь в истории Церкви стремилась занять место истинной Церкви, а экуменическое движение, объединив все ереси, приглашает их всех вместе почитать себя единой истинной Церковью. Здесь древнее арианство, монофизитство, монофелитство, иконоборчество, пелагианство и просто всевозможные суеверия современных сект под совершенно разными названиями объединились и бросились в атаку на Церковь. Это явление, несомненно, носит апокалиптический характер. Дьявол последовательно боролся с Истинной Христовой, почти по порядку следования членов Никейского Символа веры, и теперь приступил к заключительному и наиболее жизненно важному члену Символа: «Верую во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь» [5].

В своей критике архиепископ Виталий указал, что экуменическое движение было подготовлено и вдохновлялось псевдохристианским мировоззрением YMCA (Young Men's Christian Association — Юношеская христианская ассоциация), YWCA (Young Women Christian Association — Всемирная ассоциация молодых женщин-христианок), SCM (Student Christian Movement of Great Britain — Студенческое христианское движение Великобритании) и другими международными христианскими организациями. Архиепископ Виталий высказывает убеждение, которого до сих пор придерживаются многие православные верующие, что истоки экуменизма следует искать в стремлении франкмасонства установить тайное мировое господство, ради чего им финансируются различные экуменические проекты. Нет смысла вникать в тонкости конспирологических теорий. Для того чтобы иметь представление о том, как были изготовлены фальшивые документы, обвиняющие во всех мыслимых и немыслимых злодеяниях, будь то масонов, будь то евреев или иезуитов, достаточно прочитать роман Умберто Эко «Пражское кладбище».

Примечательно, что архиепископ Виталий расширяет понятие экуменизма, которым изначально обозначалось лишь межхристианское сотрудничество, включив в него также нехристианские религии, поскольку они, по его мнению, столь же неприемлемы, как и другие христианские Церкви и конфессии.

Все же прочие религии, так называемые христианские, монотеистические или языческие, все без малейшего исключения будь то католицизм, протестантизм, магометанство или буддизм — суть все препятствия, поставленные дьяволом как его рогатки между Церковью Христовой и всем родом человеческим. Только в личных сношениях с инаковерующими, ради церковной икономии, ради просто образованности и критики мы можем рассматривать одних как более способных стать православными, а других более далеких, но принципиально они все без исключения принадлежат неправде, ничего общего с истиной не имеющих. <...> Итак, все эти религии суть принявшие пищу от дьявола: тут и тонкая прелесть Франциска Ассизского из одного сосуда, а рядом с нею нирвана из другого сосуда, а там Магомет, Лютер, Кальвин, Генрих VIII с соответствующей их вкусам пищей [5].

Кардинал Вальтер Каспер в своем выступлении на праздновании 40-летия Совместной рабочей группы Римско-Католической Церкви и ВСЦ отметил:

Мы не можем игнорировать теологическую, политическую и институциональную критику экуменического движения, исходящую не только от так называемых фундаменталистских групп, но и от некоторых почтенных древних церквей и серьезных богословов. Для некоторых из них экуменизм стал отрицательным понятием, эквивалентным синкретизму, доктринальному релятивизму и индифферентизму [2].

Отождествление экуменизма с религиозным синкретизмом можно признать одним из самых абсурдных суждений, при этом оно остается весьма распространенным и в нынешнее время. Так, в аннотации к своей книге «Вызов экуменизма» бывший профессор Московской православной духовной академии протоиерей Андрей Кураев упоминает об экуменическом «замысле объединения религий. Этот замысел активно провозглашается множеством сект» [12, с. 2]. В предисловии автор отмечает:

В газетно-массовом сознании оно уже стало употребляться взамен скомпрометированного слова «синкретизм» и по своему значению приблизилось к теософским лозунгам типа «братство религий» или «единение религий». Поэтому и я в этой книге не буду различать экуменизм и синкретизм и слово экуменизм буду использовать в том его значении, которое чаще всего люди придают ему сегодня [12, с. 4].

Вместо того, чтобы показать несовместимость двух понятий, указав при этом на то, что синкретизм — неприемлем, автор внушает читателю мысль, что неприемлемым является экуменизм именно потому, что представляет собой некую форму синкретизма.

Многие оппоненты рассматривают экуменизм как «наиболее заметное проявление модернизма» в протестантизме, католичестве и православии [17]. Само по себе понятие модернизма заслуживает отдельного рассмотрения. В обскурантистских и фундаменталистских кругах оно становится еще одним оскорбительным ярлыком. Идеологи борьбы с модернизмом объясняют значение этого слова следующим образом:

этим термином обозначается проникновение в Церковное Христианство широкого набора ересей, философских воззрений, научных идей, культурных представлений,

идеологических и социальных клише, а также суеверий — во имя обновления и изменения Христианства в соответствии с прогрессом. <...> Модернизм есть постепенное приспособление к беспорядочным революционным переменам в жизни человеческого общества, с конечной идеальной целью — полного примирения с ходом вещей, которое понимается как установление «Царства Божия на земле» [13].

Как правило, такое представление основано на ложных предпосылках и на убеждении, что богословие по умолчанию не допускает никакого развития и творчества. Нередко это является отличительной чертой определенного типа богословского мышления, отрицающего легитимность новых подходов в экзегетике и герменевтике.

Представление о Православии как о консервативной ортодоксальности, не восприимчивой ни к каким влияниям окружающего мира, которое активно внедряется в умы православных верующих, часто приводит к обскурантизму. Нередко можно слышать, что обновление, *aggiornamento*, противоречит самому духу Православия. Безусловно, Православие тесно связано с традицией, но сама православная традиция всегда остается живым преданием Церкви. Никто не подвергает сомнению, что Православие консервативно, но лишь в том, что служит сохранению и проповеди вечных ценностей Евангелия. Церковь не может не взаимодействовать с окружающим миром и не может не искать язык для общения с теми, кому сегодня надлежит услышать Евангелие. Миссиологическим обоснованием такой позиции может служить понятие «инкультурация», введенное в миссиологию в последней четверти XX века. Поскольку совершенно очевидной является горизонтальная, географическая инкультурация, представляется вполне обоснованной и хронологическая инкультурация.

Следует упомянуть еще одно учение, приверженность к которому инкриминируют «экуменистам», — так называемую «теорию ветвей». Согласно этой теории, в ситуации, когда внутри Церкви возникает раскол, в обстоятельствах которого отдельная область или несколько областей прерывают общение между собой, каждая из них может продолжаться рассматриваться как «ветвь» единой Церкви Христовой при условии, что ее члены продолжают придерживаться веры первоначальной неразделенной Церкви, а ее епископы сохраняют апостольское преемство. В интерпретации многих англиканских богословов эта теория лежит в основе классификации трех основных «ветвей» Церкви: римско-католической, православной и англиканской [4, с. 232]. Создателем этой теории считается оксфордский богослов Уильям Палмер (1803–1885), позднее она получила широкое распространение благодаря Оксфордскому движению, особенно благодаря трудам трактарианцев. В 1845 году Джон Генри Ньюман и группа его последователей, разочарованные реакцией своих собратьев, покинули Англиканскую Церковь и стали католиками. Напомним, что в своем большинстве участниками экуменического движения являются членами именно протестантских общин. Таким образом, поскольку теория ветвей изначально исключает протестантские сообщества, не сохранившие апостольского преемства, из единой истинной Церкви, совершенно очевидно, что эта теория не может иметь пламенных приверженцев в их среде. Православие также решительно отвергает «теорию ветвей» [14].

В пылу антиэкуменических прений непрестанно выявляются новые изъясны. «Экуменисты в целом разработали следующие новомодные богословия: «богословие крещения», богословие «церквей-сестер», богословие «расширенной церкви», богословие «культурного плюрализма», богословие «общего служения», «межрелигиозное богословие» [7]. Каждое из этих поспешных обвинений заслуживает неспешного рассуждения и обстоятельного обсуждения.

В современных условиях более прочным основанием для участия в экуменическом сотрудничестве являются еkkлезиология и миссиология. Православное учение о Церкви достигло своего расцвета в трудах русских богословов XX века и продолжает стремительно развиваться. Православная миссиология накопила богатейший опыт взаимодействия Церкви с современным миром и способна оказать решающее влияние на формирование повестки дня межхристианского сотрудничества.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл считает, что одной из причин враждебного отношения к экуменизму в массовом сознании является то, что долгие годы по политическим мотивам в экуменической деятельности РПЦ могла принимать участие лишь богословская элита. Новая ситуация позволяет Церкви впервые взглянуть на экуменическое движение и собственное участие в работе ВСЦ глазами простых верующих [11, с. 434]. Патриарх Кирилл напоминает, что участие православных верующих в экуменическом движении продиктовано прежде всего миссионерским императивом. «Сохраняя и защищая чистоту Православной веры, мы должны делиться ею с каждым вопрошающим, оставляя дальнейшее воле Божией» [11, с. 435].

Исследование негативного отношения к экуменизму в различных церковных сообществах оставляет впечатление, что иногда враждебное восприятие не только коррелирует с конфессиональным мировоззрением, но и с определенным психологическим типом личности. Для этого типа характерны ригоризм, порой переходящий в фанатизм, авторитаризм, фарисейство, склонность к буквалистскому толкованию священных текстов и канонов, недостаток экзегетического и герменевтического вкуса, комплекс врага, заикленность на теории заговора. Что касается социальных и политических предпочтений, люди этого типа личности склонны отвергать демократию, с пренебрежением относиться к принципу свободы совести, испытывать неприязнь к веротерпимости и готовность применять внешнюю силу в борьбе с инакомыслием. Обычно такой тип личности нередко отличает религиозно-фундаменталистский тип личности, но эта тема заслуживает отдельного и более обстоятельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dictionary of the Ecumenical Movement. — Geneva: WCC, 2002.
2. The ecumenical movement in the 21st century, by Cardinal Walter Kasper. — URL: <https://www.oikoumene.org/resources/documents/the-ecumenical-movement-in-the-21st-century> (дата обращения: 01.12.2020).
3. Ecumenism. — URL: <https://www.britannica.com/topic/ecumenism> (дата обращения: 01.12.2020).

4. The Oxford Dictionary of the Christian Church / ed. by F. I. Cross. — Oxford: Oxford University Press, 1997.

5. A Report to the Sobor of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia by Archbishop Vitaly of Montreal and Canada. — URL: <http://orthodoxinfo.com/ecumenism/vitaly.aspx> (дата обращения: 01.12.2020).

6. Stransky T. Criticism of the Ecumenical Movement and of the WCC // Dictionary of the Ecumenical Movement. — Geneva: WCC Publications, 2002. — P. 278–282.

7. A Theology of Anti-Ecumenism. — URL: http://www.synodinresistance.org/Theology_en/TheologyofAntiEcumenism.html (дата обращения: 01.12.2020).

8. Visser't Hooft W. A. The word 'ecumenical' — its history and use // Rouse R., Neill S. A History of the Ecumenical Movement. 1517–1948. — Vol. 1. — Geneva: WCC, 1993.

9. Декрет об экуменизме (Unitatis redintegratio) // Документы II Ватиканского собора. — М.: Паолине, 2004. — С. 170–191.

10. Деяния Совещения глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. — URL: http://yakov.works/history/20/1940/1948_09.htm (дата обращения: 01.12.2020).

11. Иларион (Алфеев), митр. Патриарх Кирилл: жизнь и мирозерцание. — М.: Изд-во Московской Патриархии, 2010. — С. 434.

12. Кураев А. Вызов экуменизма. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви 2003. — С. 2.

13. Модернизм. — URL: <https://antimodern.wordpress.com/2009/02/09/модернизм> (дата обращения: 01.12.2020).

14. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html> (дата обращения: 01.12.2020).

15. Папский Совет по содействию христианскому единству. Правило по применению принципов и норм экуменизма // Православие и католичество. От конфронтации к диалогу. — М.: ББИ, 2005. — С. 537–550.

16. Шмеман А., прот. Несколько мыслей по поводу «скорбного послания» митрополита Филарета // Шмеман А., прот. Собрание статей 1947–1983. — М.: Русский путь, 2009. — С. 540–546.

17. Экуменизм. — URL: https://antimodern.ru/dva_grada_ecumenism (дата обращения: 01.12.2020).